

**РЕЦ. НА: ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. – М.:
Новый хронограф, 2012. – 448, ил. [64] с.***

Рецензируемая коллективная монография посвящена истории формирования и развития российского государства от эпохи раннего средневековья до наших дней. Книга вышла в серии «1150 лет российской государственности» и в силу этого не может не привлечь к себе особого внимания, учитывая к тому же дискуссии о необходимости выработать некий ориентировочный стандарт в интерпретации отечественной истории.

Работа примечательна еще и тем, что авторский коллектив выглядит весьма солидно: его составили видные отечественные ученые – ведущие специалисты в разных областях гуманитарных знаний.

Складывается, правда, впечатление, что составители очень торопились с подготовкой и изданием книги, и поэтому она оставляет впечатление некоторой недоделанности. Сами тексты написаны хорошо, обстоятельно. Но явно не хватает вводной статьи, в которой следовало бы объяснить главную идею труда – показать роль этнического и религиозного факторов в российской истории, заявленную в качестве главной темы исследования.

Вообще-то в этой теме нет ничего особенного нового. Изучать историю того или иного государства без учета этнического состава населения и без учета влияния религии невозможно. Равным образом нельзя преувеличивать эти факторы и преуменьшать значение экономики, социальных отношений, а если говорить о средневековье, то и династических связей. Развитие торговли, стремление контролировать торговые пути, прирастить территории – все это и многое другое требуют рассмотрения в комплексе.

Авторы книги вовсе и не игнорируют названные факторы, однако само название монографии может ввести читателя в заблуждение, создав впечатление, что из всего многообразия форм и векторов исторического развития выдергиваются только два аспекта. Поэтому предисловие (введение) было бы весьма уместно. Возможно, не помешало бы и заключение, чтобы представить обобщенные – на основе разделов книги – выводы о значении этничности и религии в истории российского государства, коль скоро в ней рассматриваются именно эти вопросы.

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

* Рецензия касается книги, которая вышла уже довольно давно. Она была оперативно написана для журнала «Этнографическое обозрение». Отлежавшись в портфеле журнала, она переключалась (с моего согласия) в «Вестник Российской нации». И там она не была опубликована по причине того, что она в этот журнал не была представлена. Не хочу выяснять, кто за это ответственный – в издательском деле бывают досадные «накладки». А я все же счел, что читателям, будет интересно прочитать рецензию на столь примечательную книгу.

В книге использована традиционная подстрочная система сносок. Возможно, сегодня она выглядит несколько старомодной, но она удобна, поскольку избавляет читателя от необходимости каждый раз заглядывать в конец книги или раздела при концевых сносках. Вместе с тем, составители напрасно не дали список литературы в конце разделов.

Высказанные замечания касаются издательской культуры, но не содержания монографии и не умаляют ее ценности и интереса для специалистов и широкого читателя. К сожалению, приходится еще раз констатировать, что как раз до широкого читателя солидный труд по истории и этнологии России не дойдет – тираж в 1000 тыс. экземпляров такую возможность исключает.

Первая глава «Древняя Русь: этнический аспект становления и развития государственности» написана доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН В.Я. Петрухиным. Глава охватывает период от становления восточнославянской общности до монгольского нашествия.

Отсчет славянской истории автор связывает с упоминанием Прокопием Кесарийским *склавинов* в связи с походом германцев на Дунай в 512 г. А в первой половине I тыс. н.э. в междуречье Вислы и Днепра еще существовала балто-славянская культурно-языковая общность. Ее распад Петрухин связывает с давлением пришедших в движение германских племен. Расселение славян автор датирует VI–X вв.

Становление древнерусской государственности Петрухин рассматривает в контексте знаменитой «варяжской теории», которой он совершенно справедливо не придает никакого драматического значения. Со времен М.В. Ломоносова и доныне эта гипотеза рассматривается русскими ультрапатриотами чуть ли ни как оскорбление национального достоинства русского народа. Если было куда приглашать на княжение, то какое-то государственное образование у новгородских славян уже было. Обычай же приглашать на княжение со стороны – своего рода наем на работу – был характерен для Новгородской республики на всем протяжении ее истории. А этническая принадлежность в средние века была не самым важным фактором.

Еще одну «извечную» проблему славяноведения – о происхождении термина «русь» – Петрухин решает следующим образом. Русью он считает княжескую дружину – господствующий слой в формирующемся государстве, объединявший разноплеменных подданных Олега под властью «русского закона» (с. 34). Русь в этом смысле могла включать представителей разных народов – славян, варягов – в принципе любых.

Становление древнерусской государственности потребовало более основательной идеологической базы, нежели языческое многобожие. «Выбор веры стал возможен тогда, - пишет Петрухин, - когда Русская земля (Русское государство) обрела свое место в мире раннесредневековой цивилизации, столкнувшись с соседями – христианами и мусульманами» (с. 43). То, что Владимир сделал этот выбор в пользу «греческой веры», объяснялось, конечно, не субъективной вкусовщиной, о чем повествует «Начальная летопись», а геополитическим положением Руси между Византийской и Германской империями, Волжской Булгарией и Хазарским каганатом. Возобладала ориентация на Византию, хотя при этом Владимир сохранил политическую самостоятельность Руси (с. 49–50).

Петрухин отмечает, что христианские обычаи быстро распространились по Руси, вытесняя старую веру (с. 50). Пожалуй, здесь автор не очень осторожен. Известно,

что вплоть до XVII в. включительно церкви приходилось бороться против остатков язычества, а многие его элементы (персонажи древнего пантеона, праздники, похоронные обряды) были инкорпорированы православной церковью, что во многом облегчало христианизацию Руси.

Автор рисует широкие и многообразные связи Руси с окружающими народами и государствами. Они определялись государственными интересами Руси, изменчивой внешнеполитической обстановкой. Поэтому, например, отношения со Степью перемежались торговлей, войнами, союзами.

Начавшееся в XII в. дробление Руси Петрухин обоснованно трактует как естественное следствие социально-экономического, политического и культурного развития страны, а не как признак ее упадка или как, в первую очередь, результат сепаратизма местных князей. Обратной стороной раздробленности была консолидация региональных центров. Автор не согласен с мнением Б.А. Рыбакова, трактовавшего складывание региональных культурных вариантов как рецидив племенных отношений и «языческую реакцию» на христианизацию культуры. «Скорее, речь должна идти о формировании на основе древних традиций диалектных различий в древнерусской культуре...» (с. 56). Нельзя, правда, отрицать того, что феодальная раздробленность была, возможно, главной причиной завоевания Руси монголами. Эту тему автор фактически обходит, ограничиваясь кратким рассказом о походе Батыя.

Вторая глава «Этнокультурный фактор в развитии Московского государства и ранней Российской империи» написана доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института российской истории РАН В.В. Трепавловым. Она охватывает самый продолжительный период отечественной истории от монгольского завоевания до XVIII в. включительно.

Автор описывает собирание русских земель московскими князьями, распространение их власти на соседние народы, присоединение новых территорий – Поволжья и Приуралья, Сибири, Кавказа, Прибалтики.

Трепавлов занимает весьма взвешенную позицию в вопросе о характере присоединения этих территорий и последствиях для населявших их народов вхождения в состав России. Он отвергает как старую русофильскую идеологию о повсеместно мирном и добровольном вхождении окраин, так и проявившуюся в 1980–1990-е годы тенденцию рассматривать этот процесс исключительно в духе имперской завоевательной политики царизма.

«Как бы историки ни оценивали ход и последствия вхождения каждого отдельного народа в состав России, – пишет автор, – в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе... Однако при всех сложностях во внутривнутриполитических и межэтнических отношениях Россия в глазах ее подданных порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого правления (режима, чем окрестные владения)» (с. 92–93). В подтверждение этого Трепавлов приводит башкир, страдавших от ногайского наместничества, народы Дальнего Востока, подвергавшиеся притеснениям со стороны Цинской империи, часть населения Северного Кавказа, искавшие защиты от местных владетелей. Если выйти за хронологические рамки главы, то можно упомянуть и памирские народы, страдавшие от Бухарского эмира и с энтузиазмом воспринявшие переход под руку «белого царя» в XIX в.

Трепавлов отмечает, что первоначально русские власти не форсировали освоение новых обширных земель, ограничиваясь поддержанием контроля над ними и сбором

податей, стараясь при этом не раздражать «инородцев». Ситуация изменилась, когда власти начали проводить более жесткую политику, стремясь полностью интегрировать окраины в общеимперскую систему, распространив на них подушную подать, рекрутскую повинность, усилив заселение русскими, строительством новых городов, устройством рудников и заводов. Начало этих эволюций в политике государства относится к правлению Петра I. Следствием стали резкое ухудшение отношения присоединенных народов к властям, антироссийские восстания.

Важной частью стратегии освоения новых территорий была религиозная политика. Общее ее направление состояло в христианизации, но она в разные периоды осуществлялось с разной степенью настойчивости. Особенно приходилось учитывать многочисленное мусульманское население присоединенных территорий. Российская история знает примеры и весьма жестких мер по ограничению прав мусульман, и толерантного отношению к исламу.

Инкорпорирование нерусских народов облегчалось политикой в отношении этнических элит. Они получили относительно свободный доступ в привилегированные слои российского общества: «Собственно, сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию» (с. 100–101).

В целом, как заключает автор, было бы неуместно идеализировать этническую политику в России. Вместе с тем, нельзя говорить и об игнорировании полиэтничного состава населения. Скорее, политика государства носила надэтнический характер (с. 100).

Автор **третьей главы** «Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.)» – А.И. Миллер, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. В главе рассмотрены политика государства в «национальном вопросе», позиция различных политических сил, формировавшихся со второй половины XIX века, формирование и идеология национальных движений. Отдельные параграфы посвящены польскому, украинскому, еврейскому «вопросам».

Автор отмечает чрезвычайно важное следствие разрастания империи к середине XIX века – резкое падение доли великороссов и вообще восточных славян в населении страны, существенный рост этнической и религиозной гетерогенности (с. 102).

Политика Екатерины II в конце ее царствования состояла в ограничении прерогатив прибалтийских элит и казацкой Гетманщины, которая была упразднена еще в 1764 г. Правда, Павел, а затем и Александр I проводили политику сохранения и расширения автономных прав окраин с опорой на местное дворянство. «Александр, - пишет Миллер – рассматривал эту политику в отношении присоединенных областей как часть проекта преобразований в масштабе всей империи», предусматривавшего введение некоего подобия конституционного строя (с. 104). Этим планам не было суждено осуществиться в связи с революционными событиями в Европе.

Проблема, как бы сегодня сказали, этнического фактора волновала и думающую часть общественности. Наиболее радикальный вариант решения этой проблемы содержится в «Русской Правде» П. Пестеля. Этот вариант предусматривал жесткую централизацию государственного устройства, ассимиляцию народов страны, слияние восточных славян в единую нацию.

Парадигма общегражданской нации, порожденная Великой Французской революцией, нашла свое воплощение в идеологии николаевской эпохи. Разумеется, о

прямой кальке не могло идти речи. Паллиативом явилась известная формула графа С.С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность». Принято считать, что при Николае I обозначился четкий курс на русификацию. Однако, как считает Миллер, она затрагивала только элитные слои окраин (с. 107). Он отмечает: «Черно-белые ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной ассимиляции были лишь крайностями» (с. 108).

Специальный параграф посвящен взаимоотношениям российских властей и ислама. Автор отмечает, что вплоть до Екатерины II какой-либо определенной политики не существовало: периоды жесткости и толерантности сменяли друг друга (с. 134). С первой трети XIX в. начинается бюрократизация религиозной сферы, что выразилось в создании Департамента духовных дел, введения при мечетях метрических книг, служивших, в том числе для упорядочения налогообложения, утверждения стандартизованных планов строительства мечетей. Этими и другими мерами государство стремилось ввести жизнь мусульманской общины в нужное ему организованное русло, создать иерархию духовенства, обеспечить его лояльность, воспрепятствовать распространению в исламе оппозиционных настроений и движений, как, например, джадидизму. Но и простые мусульмане получали возможность жаловаться на злоупотребления духовенства (с. 135). В целом Миллер солидарен с В.О. Бобровников, который оценивает взаимоотношения государства с мусульманами как «в большей степени вовлекающее взаимодействие, чем конфронтация» (с. 138).

Значительное внимание автор уделяет роли «национального вопроса» в деятельности правительства и Государственной Думы после 1905 г. Приводятся интересные данные об эволюции этнической политики в этот период, идеологических установках политических партий в «национальном вопросе», развитии национальных движений. «В целом, - заключает автор, - можно сказать, что политическая ситуация на окраинах характеризовалась неустойчивым равновесием» (с. 146).

Этнополитическая ситуация в годы Первой мировой войны существенно осложнилась. Она отличалась резким ростом имперского патриотизма и русского национализма, ужесточением политики государства в отношении национальных движений. Из прифронтовой полосы выселялись немцы и евреи. На западных окраинах усилился местный национализм, чему во многом способствовала целенаправленная антирусская политика германских оккупационных властей. Опротечивым для империи было создание национальных украинских, белорусских и бессарабских воинских частей. Таким способом пытались нейтрализовать большевизацию армии, но в результате получили организованную силу, ставшую опорой местных режимов после распада империи. При этом Миллер справедливо, на мой взгляд, полагает, что распад не был фатально неизбежен: он был обусловлен тяготами войны (с. 150).

Четвертая глава – «Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.)». Ее автор – Т.Ю. Красовицкая, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Красовицкая отмечает, что после установления Советской власти существенно увеличилось значение этнического фактора. «Едва ли не все гражданские коллизии того времени, - отмечает она, - заслуживают этнопсихологической оценки, но не всякое столкновение могло быть собственно этническим, хотя и могло провоцировать цепную реакцию этнического насилия» (с. 153).

Большевикам удалось использовать этот фактор в борьбе с белым движением и построении своего государства. А лидеры «белых» не смогли выработать внятной и последовательной политики в отношении национальных окраин, оставаясь, в целом, на позиции «единой и неделимой» России.

Политика большевиков в «национальном вопросе» заключалась в привлечении на свою сторону этнических элит при условии их лояльности к Советской власти. Создание СССР, особенности его устройства обуславливались теми же обстоятельствами и соображениями.

Религиозная политика сочетала в себе как репрессивные меры, экспроприацию ценностей Русской Православной церкви, так и упорядочивание деятельности церковных организаций в рамках советской политической системы.

В целом автор, указывая на противоречивости и непоследовательность советской политики в «национальном вопросе», доминирование в ней целей коммунистического строительства и интернационалистских идей, приходит к выводу об успешности этой политики, обеспечившей режиму лояльность, как этнических элит, так и низших социальных слоев национальных окраин (с. 203–206).

Пятая глава – «Советская этнополитика (1929–1941 гг.)» – написана доктором исторических наук, профессором МГУ Д.А. Аманжоловой. Она отмечает, что осуществлявшаяся в тот период административно-территориальная реформа преследовала цели выстраивания политической системы управления и управления экономикой, а в конечном счете – формировании надэтнической и надконфессиональной социальной общности (с. 207). При этом автор отмечает, что встроенный в административно-территориальную структуру этнический принцип зачастую искусственно привязывался к местности.

Говоря о характере построенного государства, Аманжолова повторяет известный в советологической литературе тезис о том, что формально СССР являлся федерацией, а в действительности превратился в унитарное образование в силу его командно-административной политической системы (с. 215). Такая точка зрения имеет под собой основания, но я все же предпочитаю разделять государственное устройство и политический режим¹.

Аманжолова неоднозначно оценивает то, что было создано в рамках СССР, и ее взвешенная позиция вполне оправданна. С одной стороны, она указывает на прогрессивные преобразования в обществе, а с другой стороны, на то, что они достигались посредством жесткой идеологической и политической регламентацией всех сторон его жизни.

Столь же неоднозначной была в рассматриваемый период и этническая и религиозная политика. Было сделано очень много для подтягивания отсталых окраин, развития образования, поощрения языков нерусских народов, создания для них письменности, подготовки национальных кадров. Однако с начала 1930-х гг. произошло ужесточение этой политики, что автор связывает с проблемами управления, обусловленными индустриализацией, коллективизацией, массовым голодом и репрессиями против «националов» (с. 218). Тем не менее, поворот «к укреплению русского языка и русской культуры не означал возвышения русскости над другими этноидентичностями» (с. 220), и этот вывод выгодно отличается своей обоснованностью на фоне традиционного советологического тезиса о том, что в СССР проводилась целенаправленная политика русификации.

Авторы **шестой главы** «Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941-1960-е гг.)» – доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Бугай и доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Е.Ю. Зубкова.

Авторы пишут о том, что война стимулировала силовые методы управления, но в то же время, сплотила общество, вызвало мощную волну патриотизма у советских людей, независимо от их этнической принадлежности. Со своей стороны, государство пошло на сотрудничество с церковными организациями. Вместе с тем, оно усилило и репрессивные меры против предположительно неблагонадежных «элементов». Авторы оценивают численность дезертиров в годы войны в свыше 1,6 млн человек, а коллаборационистов – в 430 тыс. человек (с. 270–271).

В главе приводятся интересные данные о ссылке представителей нерусских народов в «трудовую армию», депортации целых народов, ликвидации автономий. Эти репрессивные меры проводились на фоне планов германского руководства создания «пятой колонны».

Окончание войны не оправдало ожиданий о послаблении режима. Более того, вплоть до смерти И.В. Сталина он только ужесточился, включая и этническую политику. Авторы объясняют это потребностью в создании нового врага, теперь уже не внешнего, а внутреннего. И эти враги были найдены в лице «местных националистов» и «буржуазных космополитов» (с. 290). Организованная в те годы, в частности, антисемитская кампания обуславливалась высокой долей евреев в политической, научной и культурной элите страны, а также наличием в обществе «бытового антисемитизма» (с. 292).

Смерть Сталина в 1953 г. ознаменовалась новым курсом в этнической политике, идеологом и проводником которой стал Л.П. Берия. По его инициативе были свернуты антисемитская кампания, «мингрельское» и тому подобные «дела». Произошел сдвиг в кадровой политике в республиках – в пользу представителей соответствующих народов, в языковой и образовательных сферах, а в целом авторы оценивают изменения как новое издание политики «коренизации» (с. 296).

С 1954 г. начался этап реабилитации репрессированных в годы войны народов, упраздненных автономий. Обратной стороной либерализации этнической политики оказались обострение отношений между этническими элитами, территориальные противоречия и даже некоторое притеснение русских «кадров».

После смещения Н.С. Хрущева авторы отмечают появление «имперского рецидива», выражавшегося в «закручивании гаек» в отношении оживившихся национальных движений. Этот период авторы сопоставляют со сталинской политикой 1940-х годов, хотя новое ужесточение происходило в более мягких формах (с. 305). Этот этап этнической политики авторы доводят до 1980-х годов. В главе рассматриваются истоки некоторых этнических конфликтов, в полной мере проявившихся уже в эпоху «перестройки».

Главу 7 «Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий» написала Л.М. Дробижева – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН.

Глава во многом перекликается с предыдущей главой, в которой, несмотря на заявленную хронологию, сделан основательный заход в 1970–1980-е годы. Дробижева

сосредоточила свое внимание не столько на концептуальных вопросах, сколько на фактическом материале, иллюстрирующем этнические – этнополитические, этносоциальные, этнокультурные – проблемы позднего СССР. К сожалению, в рецензии невозможно отразить этот весьма интересный материал, и я могу лишь порекомендовать потенциальным читателям ознакомиться с ним.

Генеральный вывод Дробижевой состоит в следующем: «Многонациональное советское общество, хотя метафорически и называлось семьей, но было семьей сложной, в которой не во всем и не у всех было согласие. Равноправия в ней не было, чувство общности все время подвергалось испытаниям...» (с. 362). Справедливо, но такие же характеристики можно адресовать вообще к любой семье, поэтому «метафорически» советское общество, по моему разумению, можно считать типичной семьей, разругавшейся на почве взаимных противоречий ее членов и недостатка культуры межличностных (в данном случае межгрупповых) отношений.

Кстати, Л.М. Дробижева не вполне справедливо причисляет меня к сторонникам гипотезы о том, что СССР распался в результате «перестроечных процессов» (с. 332). Моя позиция сложнее. Она заключается в том, что Советский Союз исчез с политической карты мира в результате своеобразного и конкретного сочетания (а не по причине некоей исторической закономерности, как утверждают многие советологи) факторов, обусловленных как советским наследием, так и перипетиями «перестройки»².

Заключает книгу **восьмая глава** «Этнополитика в истории постсоветской России», написанная академиком, директором Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишковым.

В.А. Тишков выделяет в качестве важной причины распада СССР кризис советского типа федеративного устройства (с. 383 и далее). Я бы сразу присовокупил к этому положению, чтобы мысль автора была предельно понятна, что причины состояли в соединении модели и практики этнического федерализма (так называвшийся в советское время «социалистический федерализм») с политическим тоталитаризмом, который обнаруживался, кстати, как на общегосударственном уровне, так и на уровнях союзно-республиканских и автономных образований – последнее обычно упускают из вида.

В главе очень хорошо показано, как горбачевское руководство безуспешно пыталось решить неожиданно возникшие для него этнополитические проблемы на базе старых представлений о способах контроля над обществом.

Значительную часть главы автор посвятил постсоветской этнической политике в России. В результате В.А. Тишков сформулировал следующий вывод: «Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране прошли за последние четверть века непростой и полный драматических поворотов путь своего развития. Тот бесспорный факт, что Россия с начала либеральных реформ второй половины 1980-х годов и до 2010 г. развивалась в позитивном направлении, сохраняя свое многообразное единство, говорит о том, что в целом эта политика была успешной. Несмотря на трагические конфликты и сохраняющиеся проблемы» (с. 444).

Я бы только добавил, что расслабляться было бы неразумно. Проблема бандитизма на Северном Кавказе, замешанная на этнических и религиозных лозунгах и подпитываемая из внутренних и внешних финансовых источников, не решена. Резко усилившиеся миграционные потоки, с которыми власти не знают, что делать, созда-

ют, возможно, еще более серьезную проблему для безопасности общества и государства. В России нет вразумительной этнической политики, которую подменяют пропагандистские концепции и бюрократические «программы мер». Требуется, о чем я много раз писал в связи с экспертизой разнообразных правительственных документов, **комплексная программа практических мер**.

Рецензируемая книга, в силу ее юбилейного жанра, не претендует, конечно, на какие-то открытия в истории страны. Это, скорее, концентрация накопленных знаний и идей. Но и в этом заключается ее польза, прежде всего, для интересующегося читателя.

Примечания

¹ О дискуссиях на эту тему см.: Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 129–137.

² Там же. С. 362–365.

Литература

Чешко 2000 – Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000.

References

Cheshko S.V. Raspad Sovetskogo Soyuz: etnopoliticheskiy analiz. Moscow, 2000.